

Т. Г. Таирова-Яковлева

**Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва.
Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии ,
2009. 168 с. ISBN 978-5-91041-047-7.**

Попытки вытащить из небытия забытые события далекого прошлого и превратить их в поле боя современных историков — лично у меня вызывают искреннее удивление. Как может человек XXI века воспринимать своей личной обидой или радостью сражения, победы или поражения более чем трехвековой давности? Тем не менее, стоило одним отметить нелепый юбилей битвы, которая не имела никакого глобального значения для исторических судеб Украинского гетманства и России, как вторые яростно бросились в бой, находя нелепые аргументы для своих оппонентов.

В таком лично-эмоциональном подходе тонет научная составляющая исследований — и это явно видно на примере рецензируемой работы И. Б. Бабулина.

Любая историческая работа начинается с обзора историографии и источников. В небольшой книге, представляющей собой, по сути, брошюру, сделать развернутый анализ работ предшественников, разумеется, невозможно. Однако хотя бы дать представление об основных школах и истории развития исторической науки рассматриваемого периода — необходимо. Тогда вряд ли бы возникло впечатление, что украинские исследователи записаны в огульные «враги». И. Б. Бабулин заявляет, что русскую армию украинские историки называют «оккупационной» — но такая лексика присутствует в политизированной публицистике, но вовсе не в академической украинской науке.

Бабулин пишет: «В 90-е годы прошлого века, на волне националистической истерии в украинской исторической науке, многие видные исследователи (В. А. Смолий, В. С. Степанков, Ю. А. Мыцьк, О. М. Апанович и др.) ранее прилежно освещавшие события с марксистско-ленинских позиций, вдруг неожиданно изменили свои взгляды и стали украинскими самостийниками и “патриотами”» (С. 45). Честно говоря, мне не ясно, почему у И. Б. Бабулина слово патриоты взято в кавычки. Или он не считает возможным существование украинского патриотизма? Вообще, человеку не самого

юного возраста, не подобало бы упрекать коллег в следовании «марксистско-ленинским позициям». Как известно, не было ни единого историка от студента до академика, который не был бы вынужден им следовать в советские времена. Но в отношении светлой памяти Олены Апанович такое обвинение звучит особенно некорректно, и я не могу не вступить за ее честь.

Следует напомнить, что еще в 1972 г. О. М. Апанович, известная исследовательница казацкой эпохи, была уволена из института истории АН УССР с формулировкой «за пропаганду буржуазно-националистических идей и дружеские отношения с репрессированными диссидентами», вместе с такими выдающимися историками, как О. С. Компан и Я. И. Дзира. Карьера ее была навсегда сломана, она писала только «в стол». Восстановлена она была в институте только в 1994 г., незадолго до смерти, и упрекать ее в «прилежном следовании марксистско-ленинским позициям» — как минимум нелепо.

Вообще, если обращаться к историографии, то представление о Конотопской битве, как серьезном поражении русского оружия, создали вовсе не украинские историки, но выдающийся русский исследователь С. М. Соловьев. Он писал: «В печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу, и ужас напал на Москву... в августе по государеву указу люди из всех чинов спешили на земляные работы для укрепления Москвы. Сам царь с боярами часто присутствовал при работах; окрестные жители с семьями, пожитками наполняли Москву, и шел слух, что государь уезжает за Волгу, за Ярославль»¹. Бабурин, правда, вскользь упоминает, что «Соловьев не понял», что траур был вызван не числом погибших, а скорбью по гибели молодых дворян, и упрекает выдающегося историка в отсутствии «должного исследования документальных источников» (С. 140). Позволю себе однако согласиться с Соловьевым — траур (не важно, из-за количества или «качества» погибших), паника в Москве и личное участие царя в строительстве укреплений в столице — явления крайне редкие для царствования Алексея Михайловича и свидетельствующие, что современники видели в поражении под Конотопом печальное, серьезное и опасное событие.

Думается, что слишком категоричным звучит и следующее заявление: «Анализ работ Костомарова приводит к выводу о том, что он часто грешил простым переписыванием (компиляцией) малодостоверных источников без должного критического анализа» (С. 45). Историческая наука конечно не стоит на месте, и историки XIX в. иначе относились к источникам, чем это принято в XXI в. По сравнению с В. Н. Татищевым Костомаров был уже образцом источниковеда. Бабулин не учитывает и тот факт, что Костомарову были доступны многие источники, которые к настоящему моменту утрачены — например, казацкое собрание Публичной библиотеки, частные собрания Киева, многие фонды московских архивов и др. Наконец, Бабулин почему-то пользовался современным научно-популярным изданием произведения Н. И. Костомарова, в котором отсутствуют ссылки на источники, имеющиеся в прижизненных изданиях трудов ученого².

Вообще, заметно слабое знание Бабулиным историографии вопроса, особенно иноязычной. Он ссылается на статьи П. Кролля и А. Бульвинского, а их монографии³

¹ Соловьев С. М. Сочинения. Книга VI. История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 11. С. 50.

² Костомаров Н. И. Гетманство Выговского // Костомаров Н. И. Монографии и исследования. СПб., 1872. Т. II.

³ Kroll P. Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa, 2008; Бульвінський А. Г. Українсько-російські взаємини 1657–1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ, 2008.

посвященные данному вопросу и раскрывающие его значительно шире, обходит молчанием.

Автор демонстрирует также весьма странный и выборочный подход к источникам. Он считает наиболее достоверными сведения о потерях русской армии, сохранившиеся в материалах Разрядного приказа в фондах РГАДА, где, по его мнению, «зафиксированы действительно реальные потери каждого воинского соединения» (С. 146). Однако эти данные должны быть подкреплены другими, нередки случаи, когда воеводы искажали информацию в своих отчетах. Они часто преувеличивали собственные успехи или наоборот – сглаживали неудачи. Яркий тому пример — отписки В. Б. Шереметева из-под Чуднова, буквально накануне капитуляции. Из них можно предположить, что воеводе удавалось добиться значительных успехов в стычках с татарами и поляками. К тому же в РГАДА документы, к сожалению, сохранились отрывочно, часто не хватает отдельных листов или они рассыпаны по разным фондам. Только привлечение всего комплекса источников и их критический анализ может позволить восстановить более-менее объективную картину событий.

При этом Бабулин очень пренебрежительно относится к польским источникам и малороссийским летописям. На протяжении всего текста Бабулин заочно спорит с С. Величко, автором известной казацкой летописи. При этом он дает такую характеристику данному источнику: «Речь идет о Летописи Самойло Величко, который сам не мог быть очевидцем данного происшествия, поскольку в то время еще не родился. Добавим также то, что его летопись была написана не ранее начала XVIII века» (С. 45-46). Однако первый том летописи С. Величко, в котором содержится описание битвы под Конотопом, является переводом на украинский язык знаменитого польского произведения С. Твардовского «*Wojna domowa*». Об этом прямо говорит сам С. Величко, а пользовался он этим источником (с дополнениями различных документов и казацких летописей) именно потому, что не жил во времена Б. Хмельницкого и «Руины»⁴. Поэтому критика Бабуриным Летописи Величко как исторического источника некорректна («Красивая сказка Величко о казаках, взятых Пожарским в ходе погони... скорее всего, сочинены самим летописцем. Напомним, Величко не был свидетелем данного события и писал свою историю, добавляя вымышленные эпизоды, вымышленных лиц и вымышленные речи спустя шестьдесят лет после сражения» — С. 85).

Строго относясь к украинским и польским нарративным источникам, Бабулин почему-то доверяет литературному сочинению Эвлии Челеби, которое представляет собой описание путешествий, полное фантазий и художественных вымыслов автора.

Изучая исключительно военный аспект событий и не затрагивая социально-политические процессы, Бабулин, тем не менее, предлагает собственную концепцию происходивших событий. Он пишет: «События на Украине 1658-1659 гг., связанные с изменой гетмана Войска Запорожского И. Выговского, следует расценивать как казацкий мятеж подданных русского царя — гетмана и части старшины Войска Запорожского». В качестве аргумента Бабулин ссылается на летопись С. Величко (С. 42), о которой он ранее столь пренебрежительно отзывается. Давайте разберемся в самом понятии «казацкий мятеж».

Кто были сторонники И. Выговского? Старшина, казаки большинства полков (за исключением полтавского и миргородского), мещане, шляхта, духовенство. Значит,

---

⁴ Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII. Киев, 1848. Т. 1. С. 449-450.

мятеж уже не только «казацкий». Какими были требования «мятежников»? Они просили увеличения жалования или «вольностей» казакам? Нет, они пытались создать «Княжество Русское» в качестве равноправной части «триединой» Речи Посполитой, с собственным сеймом, монетой и т.д. Они добивались от поляков права создавать академии и школ, уничтожения церковной унии (Гадячский договор). На переговорах с русскими они пытались добиться отмены воеводского правления, самостоятельной церкви, права на внешнеполитические контакты и на Белоруссию (Жердовские статьи 1659 г.)⁵. Так как же можно говорить о казацком мятеже? Вообще, достаточно прочитать обращение к европейским народам Ивана Выговского⁶, чтобы понять, что термин Бабулина «казацкий мятеж» не имеет ничего общего с реалиями данных событий XVII в..

Пренебрежительное отношение к польским нарративным источникам и трудам своих предшественников приводит в работе Бабулина к ошибкам и неточностям. Например, говоря об одном из эпизодов битвы, он отвергает возможность существования Стефана Гуляницкого, и заявляет об его участии в битве: «Фантастический рассказ В. Коховского, повторенный Н. И. Костомаровым». Между тем у В. Коховского, современника и официального историка польского короля Яна Казимира, располагавшего уникальными документами и свидетельствами очевидцев, речь идет о «полковнике Гуляницком»⁷ (но не Стефане!), а в Войске Запорожском действительно имелся Иван Гуляницкий — в разное время полковник нежинский, корсунский и стародубский⁸.

Отбрасывая возможность появления достоверных фактов у Коховского, Бабулин без колебания приводит цифру казацкого войска как 16 000 человек (С. 70) — ссылаясь на А. Бульвинского. Но тот в свою очередь цифру взял у Н. И. Костомарова⁹, а последний — у В. Коховского¹⁰.

Главный упор в своем исследовании Бабулин делает на уточнении цифр погибших в сражении (с русской стороны). Для начала, он подсчитывает силы, принимавшие участие в сражении, и приводит цифру: 28 600 русских войск под командой А. Н. Трубецкого (С. 69). Группа Куракина — три полка Ф. Ф. Куракина, С. Р. Пожарского и С. П. Львова, по его данным, «вряд ли могла превышать 5 тыс. человек» (С. 66). В сводном отряде Пожарский, попавший в окружение, имел «не более 6 тыс. человек» (С. 88).

Итак, в окружение попало 6 тыс. человек (берем цифры, которые Бабулин считает достоверными), из них примерно 3,5 тыс. — из полков Пожарского и Львова. Из различных источников мы знаем, что из окружения «мало насилу кто ушел». Большинство пленных, включая весь командный состав, были перебиты по приказу хана. Как пишет сам Бабулин, «лишь считанные единицы из пленников смогли позднее вернуться в Россию, большинство умерли в тяжелых условиях крымской неволи» (С. 110).

Теперь берем те цифры потерь, которые приведены в списках Разрядного приказа, и которые Бабулин считает «точными данными». Потери полков Пожарского и Львова

⁵ Яковлева (Таурова) Т. Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998. С. 341–343.

⁶ Архив Юго-Западной России, изданный Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. III. Т. VI. Киев, 1877. № СХХVII. С. 361–369.

⁷ Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza. T. II. Poznan, 1859. S. 24.

⁸ Gajecy G. The Cossack Administration of the Hetmanate. Cambridge, 1978. P. 613; Кривошия В. В. Українська козацька старшина. Київ, 1997. С. 48 и др.

⁹ Бульвінський А. Конотопська битва 1659 р. // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 81.

¹⁰ Kochowski W. Historia panowania Jana Kazimierza. T. II. S. 22.

(«побито и в полон поймано») составляют там (по двум разным копиям списков) соответственно 256 (289) и 191 (277) человек. Итого 566. Возникает вопрос: а где еще 3,5 тысячи человек, которые тоже, как мы знаем, погибли или попали в плен? Данные Разрядного приказа явно не соотносятся с известными нам потерями Пожарского. Кроме того, общие потери в битвах под Конотопом и при дальнейшем отступлении русских войск указаны в Разрядном приказе как 4179 (4769) человек, а только в разезде Пожарского погибло или попало в плен около пяти с половиной тысяч. Становится очевидно, что перед нами не «точные сведения», а лишь фрагментарные, относящиеся к каким-то отдельным периодам Конотопской эпопеи и явно не учитывающим разгром отряда Пожарского.

Очень много усилий Бабулин тратит на доказательство того, что «именно крымские татары, а не казаки Выговского разгромили отряд Пожарского». (С. 93). Следует заметить, что такая постановка вопроса неверна. Украинские казаки и их старшина не были во время Конотопской битвы «неактивными» и «неэффективными», они, напротив, предпринимали серьезные меры для прекращения кровопролития. В разгар сражения вся старшина во главе с «гетманом северским» Г. Гуляницким, генеральным обозным Т. Носачем, генеральным судьей Г. Гапановичем, знаменитыми полковниками И. Богунном, П. Дорошенко, М. Ханенко, О. Гоголем и др. призвали союзного с А. Н. Трубецким И. Беспалого остановить военные действия. Они писали: «дивуемся тому не по малу», что «добровольне в неволю поддается и с нами, братьею своею, с которыми вместе хлеб ели есте и против всякого неприятеля стояли, войну ведете и на своих же кровных ближних наступаете»¹¹. Две недели позже аналогичные послания были направлены старшиной уже Трубецкому и царю с открытым заявлением: «мы, православными будучи... не желаем кровопролития»¹². И ведь эти последние послания были уже после поражения армии Трубецкого! Именно это группа старшины затем свергнет И. Выговского с гетманства и начнет переговоры с царем. Об этих политических перипетиях Т. Г. Таирова (Яковлева) подробно писала еще 14 лет назад¹³.

На наш взгляд, следует спорить не о том кто кого победил и сколько при этом погибло, но о причинах, почему началось кровопролитие — всего через пять лет после Переяславской рады, какие ошибки лидеров обеих сторон привели к этому и какие из этого можно сделать исторические выводы.

Данные о статье:

Автор: Таирова-Яковлева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран народов СНГ исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета tatyak@webplus.mail.ru

Заголовок: Бабулин И. Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с. ISBN 978-5-91041-047-7.

Резюме: В рецензии приводится анализ книги И. Б. Бабулина «Князь Семен Пожарский и Конотопская битва», критикуется источниковедческий подход автора, ведется полемика по ряду концептуальных и фактологических выводов автора, в частности, о численности русских войск в битвах под Конотопом, достоверности польских источников и др.

Ключевые слова: Украина, Украинское гетманство, история казачества.

---

¹¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 15. СПб., 1892. № 9. С. 405.

¹² Там же. № 10. С. 417.

¹³ Яковлева (Таирова) Т. Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. С. 337–339.

Литература, использованная в статье:

- Бабулин Игорь Борисович.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. Санкт-Петербург.: Общество памяти игумении Таисии, 2009. 168 с.
- Булвїнський Андрій.* Конотопська битва 1659 р. // Український історичний журнал. 1998. № 3. С. 76–83.
- Булвїнський Андрій.* Українсько-російські взаємини 1657-1659 рр. в умовах цивілізаційного розмежування на сході Європи. Київ: без видавництва, 2008. 680 с.
- Костомаров Н. И.* Гетманство Выговского // Костомаров Н. И. Монографии и исследования. Т. II. Санкт-Петербург: Тип. Т.Т.Стасюлевича, 1872. 367 с.
- Кривошия Володимир Володимирович.* Українська козацька старшина. Київ: Укртїппроєкт, 1997. 103 с.
- Соловьев Сергей Михайлович.* Сочинения. Книга VI. История России с древнейших времен. Т. 11. Москва: Мысль, 1991. 672 с.
- Яковлева (Таирова) Татьяна Геннадьевна.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ: Основи., 1998. 448 с.
- Gajecy George.* The Cossack Administration of the Hetmanate. Cambridge: Harvard university press, 1978. 789 p.
- Kroll Piotr.* Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660. Warszawa: Wydawnictwo Warszawskiego Uniwersytetu, 2008. 452 p.

Information about the article:

Author: Tairova (Yakovleva) Tatiana Gennadievna, Doctor of History, professor of the Historical Department, St. Petersburg State University, tatyak@webplus.mail.ru

Title: Babulin I. B. Knyaz' Semen Pozharskii i Konotopskaya bitva. Sankt-Peterburg: Obshestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. 168 s. ISBN 978-5-91041-047-7 (review).

Abstract: In the article there is the analyses of the book by I. B. Babulin «Kniaz Semen Pozharskij i Konjtopskajabitva», of its main mistakes (to author's opinion), particularly in the approach to the sources (the quantity of losses during the battle, authentic Polish sources, etc.).

Key words: Ukraine, Ukrainian Hetmanate, Cossack's history.

References:

- Gajecy, George. *The Cossack Administration of the Hetmanate*. Cambridge: Harvard university press, 1978. 789 p.
- Kroll, Piotr. *Od ugody Hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna midzy Rzeczpospoliti a Moskwe w latach 1658–1660*. Warszawa: Wydawnictwo Warszawskiego Uniwersytetu, 2008. 452 p.
- Babulin, Igor' Borisovich. *Knyaz' Semen Pozharskii i Konotopskaya bitva* [Prince Semen Pozharskii and Konotop battle]. Sankt-Peterburg.: Obshestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. 168 s.
- Bul'vins'kii, Andrii. Konotops'ka bitva 1659 r. [Konotop battle of 1659], in *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*. 1998. Nr. 3. S. 76–83.
- Bul'vins'kii, Andrii. *Ukrains'ko-rosiis'ki vzaemini 1657–1659 rr. v umovah civilizacijnogo rozmezhuвання na shodi Evropi* [Ukrainian-Russia relations in 1657-1659 in the terms of civilization division in the Eastern Europe]. Kiev: S. N., 2008. 680 s.
- Kostomarov, Nikolaj. Getmanstvo Vygovskogo [The Vyhovsky's hetmanate], in Kostomarov, Nikolaj. *Monografii i issledovaniya*. T. II. Sankt-Peterburg: Tip. T. T. Stasyulevicha, 1872. 367 s.
- Krivoshiya, Volodimir Volodimirovich. *Ukrains'ka kozac'ka starshina* [“The Ukrainian Cossack elite”]. Kiev: Ukrтїппроєкт, 1997. 103 s.
- Solov'ev, Sergei Mihailovich. *Sochineniya. Kniga VI. Istoriya Rossii s drevneishih vremen*. [The History of Russia from the ancient times] T. 11. Moskva: Mysl', 1991. 672 s.
- Yakovleva (Tairova), Tat'yana Gennad'evna. *Get'manshina v drugii polovini 50-h rokov XVII stolittya. Prichini i pochatok Ruini* [The Ukrainian hetmanate in the second part of 50th of the XVII century. The reasons and the beginning of Ruin]. Kiev: Osнови., 1998. 448 s.